

© О. В. КУКАРСКАЯ

Тюменский государственный университет
olga.kukarskaya@mail.ru

УДК 82.01

**СООТНОШЕНИЕ МИФА И МЕТАФОРЫ
В ТЕКСТЕ ДАНИИЛА ХАРМСА**

**THE CORRELATION BETWEEN MYTHS
AND METAPHORS IN DANIIL KHARMS' TEXT**

Данная статья рассматривает процесс оборачивания метафоры в дискурсе авангарда на примере произведения Даниила Хармса «История СДЫГР АППР» (1929). Метафора в данной работе трактуется с позиции носителей мифопоэтического сознания и с позиции интерпретатора, обладающего рациональным мышлением. Метафорические образы рассматриваются как основа для создания мифов. Рассматривается процесс мифологизации и демифологизации действительности. Реализация мифа в тексте писателя авангарда понимается как один из вариантов отступления от нормы функционирования метафоры. Используемые Д. Хармсом метафоры подвергаются декодированию со стороны читателя и распознаются им как семиотические знаки. Выявляется взаимосвязь метафоры с символическим и иконическим знаком. В статье раскрываются потенциал метафоры стать символом и варианты развития метафоры из мифа.

The article deals with the process of «reversing» metaphor in the avant-garde discourse taken from «Istoria SDYGR APPR» (1929) by Daniil Kharms. Metaphor is treated from the standpoint of a mythopoetic interpreter and from the standpoint of rational thinking. Metaphoric imagery is viewed as a basis for creating myths. The article considers the processes of mythologization and de-mythologization of the reality. The actualization of the myth in the discourse of the avant-garde writer is viewed as a digression from the normal functions of metaphors. The metaphors used by D. Kharms are decoded by the reader and perceived as semiotic signs. The relation of metaphor to symbols and icons is also taken into account. The author tries to reveal the potential of metaphor to become a symbol and analyzes metaphors rooted in myths.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Метафора, миф, авангард, символ, иконический знак.

KEY WORDS. Metaphor, myth, avant-garde, symbol, iconic sign.

Мы рассмотрим разворачивание мифа в художественном пространстве рассказа Даниила Хармса под названием «История СДЫГР АППР». Целью статьи является обнаружение процесса деметафоризации в мифологическом сознании героев и претворение метафоры в жизнь, а именно известной метафоры «оторвать кому-л. голову», понимаемой в значении угрозы наказания.

Метафоричность является одной из особенностей мифопоэтического мышления. Первым, кто начал рассматривать метафору не как троп или риторическую фигуру, а как когнитивный механизм, способствующий созданию мифопоэтической картины мира, стал итальянский философ Джанбатиста Вико [1]. Вико называет метафору самым блестящим, необходимым и самым употребительным тропом, т.к. «вещам бесчувственным она дает чувство и страсть», а при глубоком изучении «каждая метафора оказывается маленьким мифом» [2]. Исходя из этого утверждения, мы полагаем, что метафора схожа с реальным подлинным событием.

Отметим, что давая определение самому мифу, мы трактуем его вслед за И. М. Дьяконовым как «связанную интерпретацию процессов мира, организующую восприятие их человеком в условиях отсутствия абстрактных (непредметных) понятий», а не как повествование о чудесном или легенду [3]. Мифопоэтическое мышление же рассматривается нами как разновидность мышления наглядно-образного, в основе которого лежит ритуальная форма деятельности [3].

Мифопоэтическое мышление структурирует мифопоэтическую модель мира, основанную на тождестве, например, человека и природы. Это тождество реализуется в языке и объясняет антропоморфное моделирование пространства, когда дождь «идет», сомнение «гложет», радость «охватывает». Отсюда вытекает связь мифологического мышления с появлением метафор в современном языке.

Метафора, являясь когнитивным механизмом, на наш взгляд, может трактоваться двояко: с позиций носителей мифопоэтического сознания и с позиции интерпретатора, обладающего рациональным мышлением. Несмотря на то, что метафора не должна быть воспринята буквально, а лишь должна отображать принцип взаимодействия объектов, в мифологическом мышлении метафоры не иначе как воспринимаются дословно. На наш взгляд, именно вера в миф как особенность такого мышления делает это возможным. Миф, в основе которого лежат метафорические образы, согласно М. И. Стеблину-Каменскому, является повествованием, «которое там, где оно возникало и бывало, принималось за правду, как бы оно ни было неправдоподобно» [4].

Постоянная мифологизация и демифологизация действительности [5], как отмечают исследователи механизмов работы мозга человека, является свойством сознания. Классификация этих механизмов в виде парных оппозиций была предложена Л. Р. Зенковым в статье «Бессознательное и сознание в аспекте межполушарного взаимодействия» [6]. На основании данной статьи, можно предположить, что бессознательное схоже по функционированию с мифологи-

ческим мышлением, а сознательное — с рациональным (дискурсивно-логическим).

Обратимся к вопросу о принадлежности метафоры к сфере сознательного или бессознательного. Во-первых, одной из трудностей является проблема метафоры как семиотического знака. Во-вторых, вопрос о первичности зарождения метафоры — в области сознательного или бессознательного. В-третьих, определение места метафоры и её потенциал при возможных отклонениях от нормы, в частности, при литературном опыте как попытке имитировать искаженное/приближенное к бессознательному состояние.

Исследование построено на материале художественных текстов Даниила Хармса. Используемые автором метафоры подвергаются декодированию со стороны читателя и распознаются им как семиотические знаки. Поскольку дискурс авангарда, представителем которого является Д. Хармс, отличается отхождением от общепринятой литературной нормы, обозначим различие между двумя основными типами творчества в зависимости от преобладающей когнитивной доминанты — склонности мыслить метафорически или метонимически [7].

Исследуя афазии, Р. Якобсон пришел к выводу, что при нарушениях у больных блокируется или ограничен перенос либо по подобию (сходству), либо по смежности. Нарушенное языковое поведение проявляется в сдвиге по «оси метафоры» либо по «оси метонимии».

Отклонение от нормы у Д. Хармса может обозначать неспособность использовать два символа для обозначения одного и того же объекта. Таким образом, давая наименование объекту, говорящий с мифологическим мышлением не просто приписывает признаки предмету, но и отождествляет на реальном уровне само название и называемое. По словам Лотмана и Успенского, это определяет представление о неконвенциональном характере собственных имен, об их онтологической сущности. Поэтому ученые называют мифологическое сознание с позиции семиозиса асемиотическим [8].

Нужно отметить, что термин «символ» очень часто фигурирует при обращении к метафоре. Обращаясь к таблице Л. Р. Зенкова, мы обнаруживаем символическую составляющую в сознательном мышлении и иконическую — в бессознательном. Благодаря процессу, названному А. А. Потебней «сгущением мысли», метафора имеет потенциал стать символом [9].

Однако образы-символы могут не только быть продуктом индивидуально-авторского творчества, но и являться базовым концептом человеческого мышления. К. Юнг истолковал все богатство человеческой символики как выражение устойчивых фигур бессознательного (т. н. архетипов) [10].

В этой связи метафора тогда становится символом, когда обрабатывается интерпретатором с сознательной установкой. Бессознательная установка, на наш взгляд, оперирует не символическими, а иконическими понятиями. Мы находим этому подтверждение у Ч. Пирса. В ряду иконических знаков он выделял 1) образы, 2) метафоры и 3) диаграммы, схемы, чертежи. Иконические знаки в целом характеризуются парадоксальностью [11]. Парадоксальность

иконического знака состоит в том, что в некоторых случаях изображаемое и изображение не являются одним и тем же, т. е. различие между реальностью и копией стирается. Действительно, история магических практик основана на «забывании» этого различия (напр. практики вуду) [12].

В данной статье мы попытаемся составить одну из моделей вероятного развития мифа, истоки его формирования и функционирование. Мы берем в качестве точки опоры мифологическое сознание человека, его иррациональное (в некотором смысле, бессознательное) восприятие. Мы рассмотрим действие мифа, обратившись к тому, что значил артефакт «хлеб» для человека еще в древности.

Мы идем, естественно, от установки, что хлеб «кормит» людей, так как, изготавливая хлеб, основной источник для поддержки жизни, человек обеспечивает своё существование. Это утверждение рационально, но человек, обладающий мифологическим мышлением, наделяет сам хлеб способностью давать жизнь. Это бессознательный «коллективный» архетип.

С такой точки зрения, хлеб дает жизнь, и, наделенный этой способностью, он становится частью ритуалов и обрядов, т. е. действий. Хлеб защищает, оберегает и в целом несет все признаки живого существа (принцип антропоморфизма). Это структурированный миф, подкрепляемый ритуальными действиями.

Следующий этап — отождествление: хлеб есть сама жизнь (живое существо). Так как хлебу приписывается большая ценность, хлеб не просто живое существо, но божественное существо.

Впоследствии данный миф может реализоваться во фразеологизмах или метафорах: «зарабатывать на хлеб» (т. е. на жизнь), «жить на хлебах у кого-то» (за счет чьей-то жизни), «хлеб — всему голова» и т. д. Это примеры установившихся метафор, берущих свои истоки от мифа. Так метафоры в каком-то смысле переводят в привычное сознание мифологические формы.

У метафор, в свою очередь, несколько возможностей стать символами. Если, предположим, человеку снится, как у него крадут хлеб, то вряд ли хлеб во сне имеет значение хлебобулочного изделия. Есть вероятность, что под влиянием культурологических особенностей хлеб (в данном контексте) будет означать жизнь, а именно угроз жизни. Не иначе как хлеб становится символом жизни.

Хлеб — оберег, защищающий жизнь (метонимический перенос по функции), до сих пор функционирует как символ: «Чехи и украинцы считают, что хлеб способен защитить от нечистой силы. Отсюда и поговорка, бытующая у русских: «Хлеб-соль не пропустит зла», а одна из функций хлеба-соли, оставляемого в течение 40 дней после смерти человека, быть оберегом» [13]. Однако в данном случае хлеб не просто символизирует защиту от нечистой силы, но разворачивает для уже «рационального» человека новый миф.

Писатели авангарда могут пойти еще дальше и развенчать уже развенчанный миф дальше. Так, метафора «жить на хлебах у кого-л.» будет переименована писателями буквально как «жить на изделиях из хлеба». В абсурдной реальности такое представляется возможным (как в целом и во сне), что, в свою очередь структурирует целый художественный мир, со своими законами и ценностями.

В таком художественном мире герои руководствуются принципом деметафоризации. Деметафоризация — это процесс оборачивания метафоры, под влиянием которого происходит структурирование реального мифологического пространства в дискурсе абсурда, точки зрения рационального мышления невозможного или алогичного.

«История СДЫГР АППР» Хармса начинается с того, что Петр Павлович отрывает руку своему товарищу Андрею Семеновичу, что говорит о наличии персонажей-жертв и персонажей-разрушителей: «Я тебе, мерзавцу, руку оторвал, а вот обожди, догоню, так и голову оторву!» [14]. Вообще мотив отрывания частей тела, в частности, «ритуальное расчленение жертвы — характерный обряд, символика которого связана, в частности, с актом сотворения мира» [15]. Действительно, далее по тексту рука (как, вероятно и голова) становится необходимой Петру Павловичу для исполнения особого ритуала. Таким образом, можно выделить некоторый архетип «головы» (ср. в евангельском повествовании — отрезанная голова Иоанна Крестителя; в скандинавской мифологии — отрезанная голова аса Мимира и т.д.).

Герои наделяют части тела (голову и руку) особыми свойствами, необходимыми для функционирования мира и для его единства. Однако сакральное предназначение руки нивелируется, когда герои «Истории СДЫГР АППР» перечисляют отнюдь не магические функции руки: махать платочком, чесаться, совать в карман, протягивать руку при встрече.

Вполне вероятно, что для человека с мифологическим мышлением отождествление руки с орудием воздействия на окружающий мир действительно мыслилось буквально [16]. Метафоры в современном языке подтверждают изначальное сакральное значение этой части тела, ассоциирующееся с силой, властью, воздействием: указующий перст, перст судьбы, опустить руки и пр.

Рука с легкостью становится символом: «В основе символизма руки — её роль как орудия воздействия на окружающий мир... Поэтому рука ассоциируется с идеей активности и господства и часто выступает образом бога, орудием творения и *разделения времени*, объектов и явлений тварного мира на парные оппозиции» [15].

Пережитки мифологического мышления, сохранившиеся в современном мире, реализуются в приметах, напр., «Правая ладонь чешется — к прибыли. Левая ладонь чешется — к убытку». В то время как истинное предназначение руки в «Истории» Хармса раскрывается, когда Петр Павлович при помощи ритуальных действий сакрализует оторванную руку. Это и позволяет ему нарушить границы мифопоэтического пространства и обрести магическую силу останавливать время и прорываться сквозь ткань сна:

*Ход часов нарушен мною
им в замену карабистр
на подставке здыгр аппр
с бесконечною рукою
приспособленной как стрелы [14].*

В целом, в «Истории СДЫГР АППР» реализуется метафора «время идет», приписывающая времени признаки живого существа и разворачивающая мифическое пространство, в котором некий «караби́стр» (слово, придуманное Хармсом) охраняет часы, чтобы «время не гуляло». «Караби́стр» предстает как существо в виде часов с рукой человека вместо стрелки. Так, универсальное понятие времени представлено при помощи вполне конкретных «профанных» объектов. Хармс наглядно показывает как нужно «беречь» время, «смотреть» на время. Рука в рассказе становится «орудием разделения времени» и может также останавливать время.

С точки зрения рациональной установки, выражение «оторвать голову», должно восприниматься нами как метафора или, по меньшей мере, абсурд. Но реальность происходящего в «Истории СДЫГР АППР» и объективизация мифа про руку свидетельствует о процессе деме́тафоризации. Очевидно, концептуальная картина мира, в частности метафора «оторвать голову» не просто отражает гневное отношение говорящего или угрозу наказания, но формирует объективную реальность для героев дискурса авангарда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белозёрова Н. Н., Чуфистова Л. Е. Когнитивные модели дискурса. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2004. 256 с.
2. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций: пер. с итал. Москва-Киев: REFL-book-HCA, 1994.
3. Мифы народов мира. Энциклопедия / под ред. С. А. Токарева. М., 1980-1982. Т. 1-2.
4. Стеблин-Каменский М. И. Миф. Ленинград: Наука, 1976. 103 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/articles/steblink/myth/index.html>.
5. Белозёрова Н. Н. Мир реальный и мир виртуальный: две экологические системы: монография. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2010. 252 с.
6. Зенков Л. Р. Бессознательное и сознательное в аспекте межполушарного взаимодействия. Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Тбилиси: Мецниереба, 1985. Т. 4. С. 224-238.
7. Теория метафоры: Сборник. М.: Прогресс, 1990. 512 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.twirpx.com/file/153998/>.
8. Лотман Ю., Успенский Б. Миф – имя – культура [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Lotm/mif_im.php.
9. Потемба А. А. Теоретическая поэтика: монография. М.: Высшая школа, 1990. 344 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psylib.org.ua/books/levit01/index.htm#18>.
10. Культурология XX век. Энциклопедия / гл. ред. и сост. С. Я. Левит. М.: РОССПЭН, 2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psylib.org.ua/books/levit01/index.htm#18>.
11. Пирс Ч. С. Из работы «Элементы логики». Grammatica speculativa // В кн.: Семиотика. М., 1983 [Электронный ресурс]. URL: http://vanya-moryatoff.narod.ru/ID_111_16_12_35.htm.

12. Энциклопедия. Постмодернизм / Грицанов А., Можейко М. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2001. 1040 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/PostModern/_Index.php.
13. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. 208 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/maslova/02.php.
14. Хармс Д. Век Даниила Хармса. М.: Зебра Е, 2006. 910 с.
15. Энциклопедия символики и геральдики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.symbolarium.ru/>.
16. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Lotman/_Index.php

REFERENCES

1. Belozeroва, N. N., Chufistova, L. E. Kognitivnye modeli diskursa [Cognitive models of discourse]. Tyumen: Tyumen State University Publishing House, 2004. 256 p. (in Russian)
2. Vico, J. Osnovaniya novoj nauki ob obshhej prirode nacij: per. s ital. [Foundations of the new science on the general nature of Nations: translated from Italian]. Moscow-Kiev: REFL-book-HCA, 1994. (in Russian)
3. Mify narodov mira. Entsiklopedia / pod red. S. A. Tokareva [Myths of the World. Encyclopedia / ed. S. A. Tokarev]. M., 1980-1982. Vol. 1-2. (in Russian)
4. Steblin-Kamensky, M. I. Mif [Myth]. Leningrad: Nauka, 1976. 103 p. URL: <http://norse.ulver.com/articles/steblink/myth/index.html>. (in Russian).
5. Belozeroва, N. N. Mir real'nyj i mir virtual'nyj: dve ekologicheskie sistemy: monografija [The real world and the virtual world: two ecological systems: monograph]. Tyumen: Tyumen State University Publishing House, 2010. 252 p. (in Russian)
6. Zenkov, L. R. Bessoznatel'noe i soznatel'noe v aspekte mezhpolutsharnogo vzaimod-ejstvija. Bessoznatel'noe: priroda, funkcii, metody issledovaniya [The Unconscious and conscious in terms of hemispheric interaction. Unconscious: the nature, functions, methods of research]. Tbilisi: Metsniereba, 1985. Vol. 4. Pp. 224-238. (in Russian).
7. Teorija metafory: Sbornik [The theory of metaphor: the collection of articles]. M.: Progress, 1990. 512 p. URL: <http://www.twirpx.com/file/153998/>. (in Russian)
8. Lotman, Y., Uspensky, B. Mif – imja – kul'tura [Myth – name – culture]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Lotm/mif_im.php. (in Russian).
9. Potebnaya, A. A. Teoreticheskaja poetika: monografija [Theoretical poetics: a monograph]. M.: Vysshaja shkola, 1990. 344 p. URL: <http://www.psylib.org.ua/books/levit01/index.htm#18>. (in Russian).
10. Kul'turologija XX veka. Entsiklopedia / gl. red. i sost. S. Ja. Levit [Culturology of the XX cent. Encyclopaedia / chief ed. and comp. S. Levit]. Moscow: ROSSPEN, 2007. URL: <http://www.psylib.org.ua/books/levit01/index.htm#18>. (in Russian).
11. Pierce Ch. Iz raboty «Elementy logiki». Grammatica speculativa // V kn.: Semiotika [From the work «The elements of logics». The grammar of the speculative // In the

- book: Semiotics]. M., 1983. URL: http://vanya-moryatoff.narod.ru/ID_111_16_12_35.htm. (in Russian).
12. Entsiklopedia. Postmodernizm / Gricanov A., Mozhejko M. [Encyclopedia. Postmodernism / Gricanov A., Mozhejko M.]. Mn.: Interpresservis; Book House. 2001. 1040 p. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/PostModern/_Index.php. (in Russian).
13. Maslova, V. A. Lingvokul'turologija: Ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij [Lingoculturology. Manual for university students]. M.: Academija, 2001. 208 p. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/maslova/02.php. (in Russian)
14. Harms, D. Vek Daniila Harmsa [The Age of Daniil Kharms]. M.: Zebra E, 2006. 910 p. (in Russian).
15. Entsiklopedia simvoliki i gerald' diki [The Encyclopedia of symbolism and heraldry]. URL: <http://www.symbolarium.ru/>. (in Russian).
16. Lotman, Yu. M. Struktura hudozhestvennogo teksta [The structure of a literary text]. M.: Art, 1970. 384 p. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Lotman/_Index.php. (in Russian).

Автор публикации

Ольга Валерьевна Кукарская — ассистент, аспирант кафедры английского языка Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета

Author of the publication

Olga V. Kukarskaya — Teaching Assistant, Post-graduate Student, English Language Department, Institute for Philology and Journalism, Tyumen State University